

„Бубны козыри“.

Это я о выставкѣ картинъ общества художниковъ „Бубнового вазета“.

У этихъ козыри — бубны. Притомъ, пѣз жей бубновой масти на лицо одинъ только „вазель бубновый“.

Барта, какъ видите, невзлюбивъ, съ которой нельзя выиграть никакой игры.

Но это для насъ съ вами. А вотъ бубновые художники, — подите-же, — серьезно увѣрены и увѣряютъ другихъ, что однимъ своимъ „бубновымъ вазетомъ“ они завоеуютъ весь миръ.

Эта вѣра въ себя, если хотите, даже трогательна, но сколько она неискренна, разумеется.

А художники „Бубнового вазета“, хоту шкъ вѣрять, прежде всего искренни.

Вотъ когда я былъ на ихъ выставкѣ съ одной своей знакомой барыней, послѣдняя, перепутавъ номера въ помѣтномъ каталогѣ, приняла „Пейзажъ въ Монотон“ художника Фалла за картину Валеріана Пожарского.

„Черепъ на фонѣ съ золотымъ узором“.

И въ этомъ нѣтъ ничего швейцарскаго.

Попробуйте, ради опыта, ходить по выставкѣ „Бубнового вазета“ безъ каталога, и если вы догадаетесь хотя-бы приближительно, что представляетъ собою любая изъ экспонируемыхъ картинъ, отвѣчаю вамъ своей многогрешной головою.

Впрочемъ, не позагайтесь особенно и на каталогъ, гдѣ ясно обозначено:

„Се левъ, а не собака“.

Потому, въ действительности предъ вами не левъ и не собака, а нѣчто куда болѣе простое и, какъ думаютъ сами экспоненты, доступное вашему пониманію.

Напримѣръ: „Зрительное равновѣсіе при координатахъ А и В“.

Несмысленно? Экий-же вы, простите меня, тупоголовый!

Вотъ, смотрите сюда, ладѣю. Это — координаты А.

А вотъ тутъ, направо, видите? Это — координаты В.

Турокъ? Какой турокъ? Да вы не туда смотрите, притомъ-же, то, что вы приняли за „турка“, въ действительности — „пейзажъ съ пристанью“.

Нѣтъ, сюда глядите. Ну, вотъ. Это и есть координаты В.

Все-же, вмѣстѣ взятое... Ахъ, да! Вѣдь я и забылъ предупредить васъ, что на выставкѣ „Бубнового вазета“ нельзя прогуливаться съ обыкновеннымъ мношествомъ.

Прежде всего выбросьте вы изъ нашего жеманна такіе вычурные и замысловатые термны, какъ:

„Море“, „Лѣсъ“, „солнце“, „луня“.

Эта „китайщина“ давно отжила свой вѣкъ.

Выражайтесь прямо и удобопонятнѣй, какъ эти дѣлалотъ братья В. Д. Бурлюки и Д. Д. Бурлюки:

„Мотивъ слода при квадратномъ соотношеніи“.

„Лѣностороннее движенье сѣтловыхъ массъ и красочный сѣтъ“.

„Стѣна — протѣкающая раскраска, лейт-мивній, частичная занозистая поверхность“.

Или, вотъ, — чего ужъ проще:

„Казакъ“. Изображеніе съ пяти точекъ зрѣнія, занозистая поверхность, зрительные элементы ибѣя.

Да вотъ, катати, и самій этотъ „казакъ“.

Д. Д. Бурлюка:

Шрину любить и жаловать.

И правда, это не тотъ казакъ, который „на свѣрѣ держитъ путь“, нѣтъ.

Этотъ казакъ, послѣ того какъ явныи попутаютъ жмъ раскрасочными дѣтей, преспойно отправится въ сумасшедшій домъ, но вѣдь мы говоримъ не о казакѣ, а о названіи картинъ, простомъ до-вольна.

„Пять точекъ зрѣнія... занозистая поверхность... зрительные элементы ибѣя“.

Точно такимъ-же шмкомъ говорить фразоватый лажей, собирающийся покорить сердце сосѣдской горничной, востроносой Душанки:

„Одеколозъ моей души и крющонъ моего сердца! Вы, какъ нѣкій граммофонъ братьевъ Шата, олъбили двухстороннюю пластинку моихъ чувствѣи и разбили мое сердце на двѣнадцать кувертовъ съ жоджой и закуской“.

Сынзойдите-же къ прѣсь-журвату вакитковъ и будьте жомѣмъ лангетъ сосъ лжанъ въ угловомъ кабинетѣ съ мавританской олъдѣкой“.

Красиво, чертъ возьми!

Нѣтъ, вы ужъ взгляните притомнѣе въ этого „Казакъ“, изображеннаго на „занозистой поверхности съ пяти точекъ зрѣнія“, — онъ стоитъ того.

А, впрочемъ, погодите. Сейчасъ я предложу вашему вниманію достойный рендшш — „второй ладантъ“, какъ говорятъ Шуклинъ, Ликовъ Васильевичъ.

Вотъ:

„Аллегорическая композиція для охоты“. Художника Фоколье.

Винювачи, ошибки. Это вовсе:

„Голова робенка“ — того-же художника.

Прому повѣрить, что я не шушу. Возьмите иллюстрированный каталогъ и вы убѣдитесь.

Вы спросите: шо гдѣ-же на этой картинѣ

хоть приближительный намекъ на то, что оправдывало-бы ее названіе?

Почему это „диспозиція для охоты“ или „голова робенка“?

Почему это не „Смерть Богдана Хмельницкаго“ или-же „Ваза съ георгинками“?

Почему да почему... А почему, какъ говорится въ армянской загадкѣ:

„Ны жемитъ, а сыдытъ, ны животъ, а болытъ, выкто ему ны выдытъ, только ему кунать надо, — что будытъ?“

— А что?

— Арбузъ будытъ.

— Почему?

— Ны знаю, почему. Такъ Хачатуръ и Арагелъ говорятъ.

Вотъ такъ и на выставкѣ „Бубнового вазета“: хотите — вѣрите, не хотите — какъ хотите.

Я вотъ удѣлилъ этой — очередной выставкѣ исключительное вниманіе, заласа въсѣмъ; жмѣюдемся на-лицо брошюрами, конспектами, выказалъ въ объясненія, которые онѣ любезно давалъ случайно находившіеся на выставкѣ художники — „бубновазетонцы“, все напрасно.

И правда, я отдалася счастливей, нежели бывшая со мной на выставкѣ, въ день ее открытія, барыня.

Послѣднюю, по ее словамъ, двѣ ночи я думала о томъ, какъ бы объяснить, но въ томъ она еще долго „бурлакала“, не понимая, что ей говорили окружающіе.

Нѣтъ, я лично заплатила только головной болѣю, которая, впрочемъ, къ вечеру уже и прошла, такъ что на слѣдующій день я уже опять была въ гостяхъ у „Бубновыхъ вазетонцевъ“.

И вотъ тутъ-то одинъ изъ наиболее выдѣляхъ экспонентовъ и объяснилъ мнѣ „сегодѣ“, свое и своихъ единомышленниковъ.

Видите-ли, оказывается, картинъ художниковъ „Бубнового вазета“ прежде всего — празныи.

„Не „Старикъ“ и не „Портретъ госпожи N.“, а „Анализъ старика“, „Анализъ госпожи N.“

И правда, тутъ ужъ пахнетъ „лѣчобенной“ приходщицѣй, но не увѣренію художниковъ „Бубнового вазета“, они сильны именно втѣи анализаи.

Вотъ въ петербургскомъ „Эрмитажѣ“ находится одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній Рембрандта — „Старикъ въ ерможѣ и съ краснымъ жилетомъ“.

А художники „Бубнового вазета“ кланутся, что это — грубая мазя.

Ну, старикъ. Ну, какъ живой. Ну, зщю, отражающее, быть-можетъ, цѣлую эпоху.

Но, вѣдь, и только. А вотъ какой-нибудь, простите за выраженіе, Бурлюкъ, тотъ самый, который увѣряетъ, что, напримѣръ, Римину нѣсто не въ национальныхъ музеяхъ искусства, а въ лучшемъ случаѣ, въ конфектныхъ этикетахъ, такъ вотъ, Бурлюкъ, говорю я, изобразилъ-бы „Старика“:

во-первыхъ — съ пяти точекъ зрѣнія.

во-вторыхъ — на занозистой поверхности.

и въ третьихъ — подъ зрительными элементами ибѣя.

Пусть при видѣ такого „Анализа старика“ вы — зритель начнете даво вращать орачками и искать кого-нибудь, кого-бы можно было укусить за язру, — все равно:

Зато Бурлюкъ не унимается до Рембрандта, этого „рѣба природы“, — онѣ, Бурлюкъ, и всѣ прочіе Бурлюки — цари вселенной.

И отсюда, ихъ „Старикъ“ — бурлюковскій — совсѣмъ особенный.

Начать съ того, что это не „Старикъ“, а только его составная часть.

Бурлюки даютъ прежде всего формулу „Старика“.

Вотъ, не угодно-ли:

Вы слыте такъ не понимаете, что сіе должно изображать.

Можетъ, это — „Диспозиція при давленіи вселеной“, а можетъ — „Аллегорическое изображение Отечественной войны“, какъ Артистархъ Лентуловъ назвалъ груду стульевъ, отдаваемыхъ на прокатъ подъ стадыи.

Но, позвольте узнать, съ какой стороны эта велосипедная масса — „Старикъ“?

Да говорятъ-же вамъ, это — только формула старика.

Тѣ составныи части, изъ которыхъ складается вселенная старика.

Тутъ и катарръ желудка, и золутой почечкы, и расширеніе шипечника, и подыгра (нагѣю — въ углу картины), и огромный процентъ сахара (направо — сверху), и жеврактія, и вычный камень на зубахъ, и катаррактъ глаза, и — даже — обязательный въ самомъ недалекомъ будущемъ апендицитъ.

Ну, затѣмъ, жизнь этого старика и вообще была не изъ веселыхъ.

Его судили за расстрату и хотя оправдали, но мисіѣ процесса старикъ сталъ заговариватися. Въ это-же время у него умерла любимая собака, а скорѣй старикъ сломалъ долговзную чашку правой ноги, споткнувшись на осконзлой панеліи.

Кромѣ того, этотъ старикъ — алгогоцѣкъ и завзятый картежничъ.

А однажды его даже уличили въ нечистой игрѣ и исключили изъ клуба.

И вотъ, въ то время, когда старикъ, несчастный и опозоренный, возвращался домой, на него вазетѣлъ рослопный автомобиль, сильно его помявший.

Вотъ вазѣсите все это и скажите, могъ-ли художники „Бубнового вазета“ изобразить своего старика шмимъ?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Бурлюки говорятъ:

— Всякіе тамъ Рѣнины, Сѣровы и прочее, тому подобное, видятъ, скажемъ, „Госпожу X.“ и пишутъ съ нея портреты.

Но какъ она изображаютъ ее на портретѣ, — всегда такой, какова эта сажалъ госпожа X. въ действительности.

Жероче, такой, какал она есто.

А мы изображаемъ „госпожу X.“ такой, какал она должна бытъ.

Потому для насъ важна не госпожа X., а ел составныи части:

Важнѣйшыи порѣмѣны кухарки, осоры съ меникомъ, ведаоудумбня съ портничкой, прѣстоющаи перахѣна квартиры.

Буряи сцены мужу, открыто живущему съ гувернанткой, золотушный младшій ребенокъ, выгнаанный изъ гнжвзани старшій сынъ, наконецъ, флиртъ сажой госпожи X. съ ренетиторомъ.

Прибавьте къ этому обимѣ въ квартирѣ крысъ и пѣяныхъ полотеровъ, разбиившихъ въ гостинной дорожку вазу...

Настроимъдте всѣ эти моменты на положно и получите настоящую „Госпожу X.“

Вотъ, примѣрно сказать, „Натурщица“ М. И. Михѣва.

Ито-же не понимаете, что натурщица

должна имѣть хотя-бы подобіе человѣческое, не говоря уже о безупречности ее формъ!

А г. Михѣва взялъ пациентку изъ морозовской клиники раковыхъ болѣзней, да еще выпросилъ у директора клиники В. М. Зыкова самую безнадѣжную.

Вотъ вы и поспорьте съ нимъ! По вашему, это одинъ зеленый ушасъ, а по теоріи „бубновыхъ вазетонцевъ“ — красавица, жоторой нѣтъ рмшюи въ природѣ.

Но почему? Да вѣдь сказано вамъ, что это — только анализъ натурщицы, ну, формула ея, что-ли.

Вѣдь вотъ спросите у меня, скажемъ, въ три часа пополудни:

— Вторый часъ?

Я вамъ отвѣчу кратко и помѣтно:

— Три.

А Бурлюки въ такихъ случаяхъ говорятъ:

— Если вы занимались исторіей, то, конечно, имѣете представленіе о Троянской войнѣ.

Престарѣлый царь Приамъ, его сыновья Гекторъ, Парисъ, судившій богами и предводившій злобоу Веверѣ, за что послѣдняя обѣщала ему любовь Елены Смартанской. Вотъ, доложу вамъ, была женщина, — обьяденіе!

Такъ вотъ, вспомните, сколько лѣтъ продолжалась эта Троянская война — ровно десять.

Теперь перенеситесь въ другую эпоху: война Семилѣтняя.

Ну, здѣсь ужъ ярчѣи лица. Попробуйте-же вычестъ изъ Троянской войны войну Семилѣтнюю, да прибавьте къ этому брошюной тифъ и зданіе каменъ въ Остендо.

Затѣмъ, отбросьте и казке, и брюшной тифъ и вспомните, что Троянская война длилась тремя годами дольше Семилѣтней.

Что у васъ получится: три.

Стало-бытъ, сейчасъ ровно три часа.

Вотъ такимъ путемъ „разложеніа“ художникъ Фибигъ имъ Парижъ и дошелъ до своего „моста въ Парижѣ“, который я и предлагаю вашему благосклонному лянманію.

Вотъ:

Это — „Мостъ въ Парижѣ“.

Не занята на бровяхъ и не кусокъ лезтеннаго запѣта, а именно „мостъ“ да еще „въ Парижѣ“.

Милостивно государи, вы, конечно, понимаете, что такыиъ образомъ имѣтъ вы въ Парижѣ, яи въ Бердичевѣ, потому, это прежде всего не мостъ.

Предпокожите, я-бы спросилъ у топо-же художника Фибига:

— Фифанфлуванпердекискожосипитохро-мокроно... Что это такое?

— ???

— Очень просто. Это стаканъ чаю.

Клануны, художникъ-бы жмѣвъ возразилъ:

— Вы, сударь, либо идѣотъ, либо примы-дываетесь водѣотъ.

И имѣть былъ-бы только правъ. И тотъ-же

Фибигъ осмѣливается преподнести намъ продуктъ своего разгоряченнаго мозга, бесахелляционно заявляя:

— Это — „мостъ въ Парижѣ“.

И вся остальная шайка нарочито юродствующихъ „бубновыхъ вазетонцевъ“ развзано похтвѣраждаетъ:

— Воистину такъ! Это именно „мостъ въ Парижѣ“!

Я понимаю художника Татмина, который выставилъ такой „Портретъ художника“, очевидно, свой.

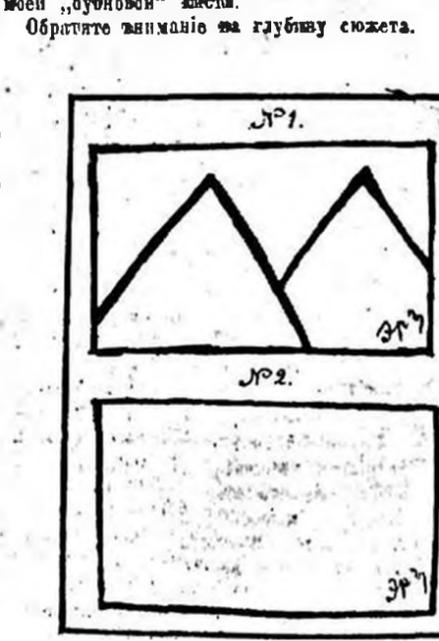
Художникъ изъ общества „Бубнового вазета“, по моему, долженъ выглядѣть именно такимъ.

Господа, не смѣйте: незначѣтъ добывать лежачаю.

Скажу еще, что, побывавъ на выставкѣ два дня вкраду, я и самъ заразился бредовыми идеями несчастныхъ „бубновыхъ“ слѣдцовъ.

И вотъ, для пробы, первое произведеніе моей „бубновой“ масти.

Обратите вниманіе на глубину сюжета.

Верхній рисунокъ — № 1 изображаетъ:

„Видъ на пирамиды со стороны пустыни“.

А нижній — № 2:

„Видъ на пустыню съ высоты пирамиды“.

Картины эти, составившіи мою собственность, продаются. Причемъ, всю выручку отъ продажи ихъ я именурую на сооруженіе койки при Преображенской больницѣ.

Для нуждающихся членовъ общества „Бубновый вазетъ“, разумеется.

Эрь.